

И станъ величавый, и, жаркою кровью
 Нерѣдко увлажненный, метъ при бедрѣ,
 Блестящій въ изгибахъ суровой одежды.
 Онъ гордо проходитъ предъ буйной толпой, —
 И мнится — и злобу, и месть, и надежды
 Великаго Рима уносить съ собой...

IV.

Ужь поздно... Тарпея, какъ тѣнь великана,
 Сокрыла сѣдую главу въ облакахъ,
 И тихо слетаетъ на землю Діана,
 Въ серебряной мантии, въ яркихъ звѣздахъ.
 Часы золотые! отрадное время!
 Вамъ жертву приносить поклонникъ суетъ —
 Лишь съ сумракомъ ночи забудетъ онъ бремя
 Душевной печали и тягостныхъ бѣдъ.
 Въ глубѣ эмпирея, на небѣ эмальномъ
 Звѣзда молодая блеститъ для него,
 И сонъ благотворный, на ложѣ страдальномъ,
 Согреетъ облитое хладомъ чело...
 И послѣ — на муку знакомаго ада,
 На радость и горе, на жизнь и тоску
 Навѣтъ волшебная ночи прохлада,
 Быть-можетъ, навѣкъ гробовую доску...

V.

Одѣлась туманною мглою столица;
 Мятажныя площади спятъ въ тишинѣ.
 Вдали промелькаетъ, порой, колесница,
 Иль всадникъ суровый на быстромъ конѣ;
 Ночныя бесѣды, румяныя дѣвы
 Замѣтны, порою, въ роскошныхъ садахъ,
 И слышны лобзанья, и смѣхъ, и напѣвы,
 И рядомъ — темницы и вопли въ цѣпяхъ!
 И рѣдки на улицахъ робкія встрѣчи,
 И голосъ укора, и ропотъ любви —
 Плащи и кинжалы, смертельные сѣчи,
 Мольба и проклятья, и трупы въ крови...
 И снова молчанье... какъ будто изъ Рима
 Возникло песчаное море степей...
 Безоблачно небо; луна недвижима
 Въ пространствѣ глубокомъ воздушныхъ зыбей.

VI.

У храма, подъ тѣнью душистой оливы,